

Ирина
ХМЕЛЕВСКАЯ

Joanna Chmielewska
Wszystko czerwone

Иоанна
ХМЕЛЕВСКАЯ

Что сказал
покойник

ЖИ
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)
Х 65

Joanna Chmielewska
Wszystko czerwone

Перевод с польского — *В. Селиванова*

Оформление — *А. Шнаков*

Хмелевская, Иоанна.

Х 65 Что сказал покойник: [роман] / Иоанна Хмелевская ; пер. с польского В.С. Селивановой. — Москва : АСТ, 2014. — 352 с.— (Всё красное).

ISBN 978-5-17-087949-6

Иоанна — любимая героиня легендарной польской писательницы И. Хмелевской, словно магнитом притягивает к себе самые невероятные приключения. Совершенно случайно она становится свидетельницей перестрелки в нелегальном казино, где выиграла кучу денег. Смертельно раненный в перестрелке незнакомец доверяет ей шифр, скрывающий координаты местонахождения сокровищ мафиозного синдиката. Зная такие тайны, долго не живут, опасность пани Иоанне грозит нешуточная, но она крепкий орешек и так просто сдаваться не намерена...

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-087949-6

© Joanna Chmielewska
© В. Селиванова, перевод, наследники
© ООО «Издательство АСТ»
© ООО «Издательство «У-Фактория»

Алиция ежедневно звонила мне на работу в обеденное время. Так было удобно нам обоим. Но в тот понедельник у нее были какие-то дела в городе, потом ее задержали на работе, потом она торопилась на поезд, потом опаздывала на встречу с Торкилем, так что позвонила мне лишь во вторник.

Фриц ответил, что меня нет. Она поинтересовалась, когда я буду. По-датски Алиция говорила уже совсем свободно, и ей без труда давались даже весьма изысканные и сложные обороты. Фриц ответил, что не знает, и на этом, скорее всего, их разговор и закончился бы, если бы Фриц вопреки датским обычаям не прибавил кое-что от себя (Алиция, уже изучившая датчан, по собственной инициативе ни за что не спросила бы ни о чем больше).

— Боюсь, не заболела ли она, — вот что добавил Фриц. — Вчера ее тоже не было.

Это встревожило Алицию, она стала расспрашивать и выяснила, что мое отсутствие весьма странно, ибо, во-первых, в конце прошлой недели я была здорова как бык, во-вторых, никого не предупредила, что не приду, в-третьих, прекрасно знала, что у нас много работы, и даже обещала несколько рисунков закончить побыстрее,

а уж если обещала, то всегда держала слово. И вот рисунки лежат на столе незаконченные, а меня нет. Чрезвычайно странно.

Обеспокоенная Алиция позвонила мне домой. К телефону никто не подходил, но это еще ни о чем не говорило. Я могла куда угодно выйти, а домработницы не было дома. Поэтому Алиция позвонила еще раз поздно вечером и узнала от домработницы, что меня нет, домработница не видела меня с воскресенья, в моей комнате нормальный беспорядок.

На следующий день, уже не на шутку обеспокоенная, Алиция с утра висела на телефоне. Меня нигде не было. Домой на ночь я не возвращалась. Никто ничего не знал обо мне. Расспросы Алиции очень встревожили Аниту, с которой я договорилась встретиться во вторник, но не пришла и не подавала никаких вестей, а ведь Анита переводила мою книжку, в чем я была заинтересована куда больше ее. Весь вечер она была вынуждена переводить одна, злилась, названивала мне, а меня все не было и не было.

Все это заставило Алицию задуматься. Подумав, она вечером в четверг, после работы, пришла ко мне домой. Поговорив с домработницей, она осмотрела квартиру, проверила наличие моих вещей, прочла вопреки своим принципам заправленное в пишущую машинку мое письмо к Михалу, хотя это ей ничего не дало, ибо письмо состояло в основном из рассуждений на тему: каковы шансы Флоренс на победу в очередных скачках, потом выпила кофе, посидела за столом и ничего не решила. Какое-нибудь любовное приключение? Не похоже на меня. Уж скорее можно предположить, что мне очередной раз что-то втемяшилось в голову и я решила немедленно ехать в Польшу. Причем ехать в чем была — без вещей, без денег, без документов, которые

лежали в столе и среди которых не хватало только паспорта. Алиция обзвонила все больницы, звонила в полицию и пожарную команду. Никто обо мне ничего не знал, я как сквозь землю провалилась.

Дипломатично, с большими предосторожностями Алиция позвонила в Варшаву своей подруге и попросила узнать, нет ли меня там. Не было. Более того, мои родные как раз получили от меня письмо, в котором я сообщала, что вернусь только через несколько месяцев.

Алиция подождала еще сутки и наконец решила заявить в копенгагенскую полицию об исчезновении ее подруги, гражданки ПНР.

Полиция соизволила проявить интерес к моей персоне, сначала умеренный, потом повышенный, поскольку происходящим заинтересовался инспектор Йенсен, лично знавший меня. Не очень близко, но достаточно, чтобы знать, что я способна на что угодно. Полиция стала выяснять, кто же последним видел меня. И где.

Из всех опрошенных последней видела меня домработница. В воскресенье утром я ушла из дому как раз в то время, когда она чистила ковер в прихожей. На вопрос блюстителей порядка, куда это я могла отправиться, Алиция не задумываясь ответила: в Шарлоттенлунд, на скачки. Блюстители двинулись по моим следам в Шарлоттенлунд. Их миссию значительно облегчал тот факт, что опять наступило воскресенье, то есть создались условия, подобные тем, что и неделю назад: опять были скачки и трибуны заполнила толпа.

Для начала они наткнулись на Лысого Коротышку. Отсидев сколько положено, он уже давно пользовался заслуженной свободой. Ничего не скрывая, честно и откровенно Коротышка признался полицейским, что

действительно видел меня неделю назад и даже разговаривал со мной. Я произвела на него впечатление человека, довольного жизнью, поскольку была в выигрыше. Сколько я выиграла? Пару кусков. Точнее? Ну, приблизительно четыре тысячи шестнадцать крон. Любой был бы доволен жизнью. Да, я разговаривала и с другими, да, он это сам видел, околачиваются тут два типа, с ними он меня и раньше часто видел. И в то воскресенье я тоже разговаривала с ними, а что делала дальше, он не знает.

Добрались и до тех двух. Они оказались французами. Французы подтвердили, что действительно я что-то выиграла, возможно порядочно, они действительно разговаривали со мной, так как я хорошо знаю французский язык, а вот что было дальше, они не знают. На все вопросы они отвечали предельно кратко и уклончиво, полиции это показалось подозрительным, и она активизировала свои поиски, в результате чего был выявлен еще один тип, который, правда, меня не знал и даже не разговаривал со мной, но обратил на меня внимание. Просто потому, что я ему нравилась. Почему нравилась — неизвестно, может, у него дурной вкус, понравилась, и все тут.

Так вот, этот с дурным вкусом дал показания, что с французами я разговаривала уже напоследок и ушла вместе с ними. Он тоже выходил и видел, как мы все сели в какую-то машину, а что было дальше, он не знает. И очень жалеет, что сегодня меня нет.

Припертые к стенке французы стали выкручиваться и давать противоречивые показания: они подбросили меня на машине до станции, они высадили меня в центре города, это была их машина, не их машина, машина одного знакомого, машина одного незнакомого. В конце концов они так запутались и так явно

старались что-то скрыть, что вызвали подозрения у инспектора Йенсена. Было допрошено еще несколько свидетелей: завсегда и ипподрома обычно знают друг друга, я же, иностранка, была особенно заметна. Удалось установить, кому принадлежала машина. Выяснилось, что ее владелец уже давно был на заметке у полиции.

Инспектор Йенсен лично занялся моим делом, что чрезвычайно удивило Алицию. К тому времени она уже знала, что он является весьма важной фигурой в датской полиции, и никак не могла понять, почему я представляю такой интерес для последней. Если бы я совершила какое-нибудь грандиозное преступление, ей, самому близкому мне человеку, было бы наверняка все известно. Так в чем же дело? Однако инспектор Йенсен знал, что делает.

Припертые еще крепче к стенке французы (как и хозяин машины) сказали наконец правду. Ничего не подделаешь, приходится сознаваться: со скачек я поехала с ними в некий притон, где нелегально играли в покер и рулетку. Прибыв в притон, я не моргнув глазом заплатила за вход довольно крупную сумму, села за рулетку, кажется, выигрывала, кажется, очень много, видно, такой уж счастливый день у меня выдался. А потом они как-то потеряли меня из виду. Сами они проигрались и рано ушли, а я, кажется, осталась. Где этот притон? А в такой старой развалюхе на улице Нильса Юэля, возле канала.

Только тогда в умах полицейских чинов забрезжили первые, еще нечеткие ассоциации. Полицию залихорадило.

Дело в том, что Интерпол подготавливал большую и сложную операцию по ликвидации мафии, захватившей в свои руки игорные дома. Планировалось нанести

удар одновременно в нескольких европейских странах. Полиция надеялась схватить всех главарей и завладеть имуществом мафии. Налет полиции на притон на улице Нильса Юэля был совершен в рамках этой акции. Налет оказался удачным, игроков застали на месте преступления, даже обнаружили один свежий труп. Притон прикрыли, порок был наказан. Получается, что они, то есть полиция, должны знать обо мне больше всех, раз я была в том притоне. И что же? Ничего не знают. Меня в притоне не оказалось. И что самое неприятное, эта их операция-налет подтвердила подозрение, что шайка имела своего человека в их полиции. Единственное утешение — не только в их. Расторопная шайка, а точнее, мощный международный синдикат преступников имел своих людей во всех полициях всех стран, где действовали отделения синдиката. Слабое, конечно, утешение. Тем более что все киты синдиката ускользнули, а труп не мог дать никаких показаний. Некоторые из задержанных полицией мелких рыбешек и просто игроки показали, что видели меня в притоне, что я делала ставки, а потом поднялась жуткая суматоха, и куда я делась — не знают.

Итак, я исчезла, как камень, брошенный в воду. След по мне был затерян.

Я сама, разумеется, прекрасно знала, где я нахожусь и что со мной происходит, только у меня не было никакой возможности сообщить о себе. Происходило же со мной вот что.

В ту пятницу — перед роковым воскресеньем — мне наконец удалось купить прекрасный и очень дорогой географический атлас мира, о котором я давно мечтала. Купила и из-за своей дурацкой рассеянности забыла его на работе. Кроме того, я оставила там на вешалке в авоське польско-английский словарь и наполовину

связанный шарф из белого акрила. Дело в том, что в прошлый четверг мы договорились с Анитой встретиться, она не могла, мы перенесли встречу на вторник, мне не хотелось все это таскать домой и обратно, и я оставила сетку на работе. Анита переводила мою книгу, словарем мы пользовались в творческом процессе, а шарф я вязала по ходу дела. У Аниты были заняты руки и голова, у меня только голова, так что руки я могла использовать для создания материальных ценностей. А словарь был жутко тяжелый, и, понятно, мне не хотелось, чтобы он сопровождал меня повсюду.

Шарф и словарь могли спокойно висеть себе на вешалке, но вот атлас... Я очень расстроилась, что забыла его, ведь так мечтала полистать новинку в уик-энд, не говоря уже о том, что такую дорогую и желанную вещь хотелось бы все время иметь под рукой, смотреть на нее и вообще чувствовать, что она у тебя есть. Вот я и решила заскочить на работу в воскресенье по пути в Шарлоттенлунд.

Конечно, удобнее было бы заехать за вещами на обратном пути, но к тому времени на работе могли запечатать парадную дверь.

Так я и сделала. Атлас, хотя и с большим трудом, поместился в сетку рядом со словарем. Сетка была ужасно тяжелая, поэтому на ипподроме я сдала ее в гардероб. Боясь, что я ее там забуду, повторяла все время про себя: «Не забыть сетку, не забыть сетку». Я сконцентрировала все свои умственные способности на этой проблеме и благодаря этому выиграла.

В пятом заезде я поставила на фукса и стала с нетерпением ожидать, что же из этого выйдет, так как до сих пор побеждали сплошные фавориты, прямо зло брало. Правда, на одном фаворите я выиграла-таки шестьдесят восемь крон, но ведь это мелочь, позор для

моего польского гонора. Протест моего польского гонора против несправедливости проявился в том, что я стала ставить подряд в каждом заезде на 6—4. Сказать, почему я так делала, не могу. Может быть, потому, что когда-то, несколько лет назад, нам с Михалом жутко не везло именно с порядком 6—4, ни разу мы не выиграли на него. Я решила отыграться теперь и прямо ставила на 6—4, понимая, что это не сулит абсолютно никаких надежд.

Так вот, перед пятым заездом я стояла в очереди в кассу и упорно повторяла про себя: «Не забыть сетку, не забыть сетку». В тот момент, когда подошла моя очередь, я напрочь забыла все номера, на которые мне раскладчик подсказывал сделать ставку, момент был напряженный, за мной толпились возбужденные нетерпеливые люди, кассир торопил меня, и я по привычке брякнула: «Шесть — четыре».

Сидя на открытой трибуне, на ледяном ветру, я ошеломленно смотрела, как побеждают мои 6—4. Совершенно обалдевшая, дрожа от холода и азарта, досидела я так до конца заезда. Потом спустилась с трибуны и с упоением выслушала хриплое объявление по радио. Я выиграла четыре тысячи шестнадцать крон.

Идя в кассу, я встретила Лысого Коротышку. Меланхолично показал он мне свой билет на 6—12, и я выразила ему сочувствие. В самом деле, лошади пришли в такой последовательности: 6—4—12, причем последняя в заезде отстала от предыдущей всего на какие-то полморды. В свою очередь я показала свой билет. Коротышка торжественно поздравил меня, и я проследовала в кассу.

Получив деньги, я купила бутылку пива и, зажав ее в руке, пошла в народ. Настроение у меня было расчудесное, душу переполняла любовь ко всему свету. В толпе

я наткнулась на знакомых французов — одного белого, другого черного. Я всегда пользовалась случаем поболтать с ними, чтобы попрактиковаться в любимом языке. Тут я вспомнила, что они как-то упомянули в разговоре о нелегальном игорном доме.

— Совершенно исключительный случай! — радостно объявила я им. — У меня есть деньги!

— Мадам выиграла? — заинтересовались французы.

— Да, я угадала эти самые 6—4. Так как будет с рулеткой? Сегодня можно?

— В любой день можно, — пробормотал белый, внимательно разглядывая лошадей. — Поставь на семерку, должна же она когда-то прийти...

Черный кивнул и направился к кассе, а белый обратился ко мне:

— Так вы надумали? Всерьез? Вам известно, что это нелегально?

— Известно. И я надумала.

— За вход надо платить пятьдесят крон.

Я хлебнула пива из бутылки и кивнула:

— И правильно, ведь, если бесплатно, подумают, что предприятие несолидное. А сегодня для меня на редкость подходящий день, в крайнем случае я лишь спущу то, что выиграла.

— Никому ни слова об этом, — предостерег француз.

Я обещала хранить тайну, и мы расстались, договорившись встретиться, чтобы вместе отправиться в приют.

Сетку из гардероба я предусмотрительно взяла еще до последнего заезда. В этом заезде, к счастью, никто из нас не выиграл, так что не нужно было стоять за деньгами в кассу. Все трое, французы и я, уселись в роскошный «форд». Его вел какой-то совершенно незнакомый

мне тип. Я решила, что это наверняка один из датских миллионеров, имеющих собственные столики в богатых ресторанах, где я никогда не бывала, поэтому и физиономии его нигде не встречала. Впрочем, я тут же перестала о нем думать, переключившись на предстоящее мне удовольствие. Настроение у меня было отличное — после выигрыша и выпитого пива.

Не обращала я внимания и на то, где мы ехали. Помню, что промелькнул Конгенс Нюторв, и вскоре мы остановились на тихой улочке перед большим старым домом. Я старалась угадать, поднимемся ли мы на чердак или спустимся в подвал.

Оказалось, ни то ни другое. Мы прошли через двор, мои спутники подошли к какой-то двери, позвонили, о чем-то переговорили по-датски, нам открыли, мы вошли и самым обыкновенным образом поднялись на лифте на четвертый этаж. Там опять была дверь, мы опять позвонили, опять несколько слов по-датски, и нас выпустили. Какой-то человек с вежливым поклоном взимал с посетителей плату за вход в размере пятидесяти крон с носа.

Внутри все выглядело совсем обыкновенно, как в обычной большой квартире в старом доме, с той лишь разницей, что гости не раздевались в прихожей, а в полном обмундировании проходили в комнаты. Мое полное обмундирование сразу же доставило мне неприятности.

Дело в том, что, отправляясь в Шарлоттенлунд, я настроилась провести несколько часов на открытой трибуне. Датский климат мало чем напоминает флоридский. Я напялила на себя множество теплых вещей: шерстяную клетчатую юбку, водолазку из кроличьего пуха и сверху такую же кофту, колготки, теплые, прошу прощения, рейтузы, зимнее пальто на меху, теплые

сапоги и шерстяной шарф. Уверена, что во всей Дании не нашлось бы второго человека, так тепло одетого, ибо по календарю уже наступила весна, а датчане свято верят в печатное слово.

На голове у меня был платиновый парик и черная кожаная шляпка. Парик я купила недавно, и до сих пор у меня не было случая показаться в нем. Правда, скачки тоже не самый подходящий случай, но меня с утра мучила проблема, как быть с головой. Выбор у меня был небольшой: болгарская меховая шапка и кожаная шляпка. В меховой шапке я выглядела бы совсем по-зимнему, то есть нелепо, а в одной кожаной шляпке мне было бы холодно. Вот я и решила, что лучшим выходом будет парик, в котором тепло голове, и шляпка, которая прекрасно сидит на парике. Таким образом, на мне был платиновый парик, к нему я совершенно произвольно сделала соответствующий макияж, что и породило все несчастья, свалившиеся на меня.

— В этой комнате играют в покер, а рулетка — в следующей, — объяснил мне француз. — Предупреждаю, все свои вещи держите при себе, чтобы можно было в любой момент смыться.

Он улыбнулся, извиняясь, что покидает меня, и мгновенно затерялся в толпе игроков. Я направилась во вторую комнату, где действительно была рулетка, и даже две рулетки. Возле одной из них как раз освободилось место, которое я поспешила занять. Пальто я сняла и просто накинула на плечи, все, что можно было расстегнуть, расстегнула, сетку и сумку засунула под стул и осмотрелась. Помещение было наполнено людьми, дымом и смрадом. Освещались только столы, все остальное помещение тонуло в полумраке. Общество составляли почти исключительно